

Глава 4 НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УСИЛЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ

Неравномерность в распределении доходов - хорошо это или плохо? Ответ на этот вопрос вряд ли может быть однозначным. Вероятно, кому-то покажется привлекательным опыт Швеции, где индекс Джини, характеризующий степень неравномерности в распределении дохода, равен 25%, а кому-то пример США с индексом Джини на уровне 40%.

Сторонники неравенства апеллируют к опыту социалистических стран, в которых слишком равномерное распределение доходов отрицательно повлияло на эффективность экономики. Минимальные различия в доходах при социализме в условиях запрета на частную прибыль и искусственно выровненных уровней оплаты труда разной сложности не позволяли создать достаточных материальных стимулов к активному участию людей в экономической деятельности - к добросовестному труду и энергичному предпринимательству. Результатом социалистического выравнивания доходов являлась пониженная дисциплина и безынициативность работников, низкое качество и узкий ассортимент производимых товаров и услуг, торможение технического прогресса и, в конечном счете, замедление экономического роста. В свою очередь, низкие или даже отрицательные темпы экономического роста - прямой путь к обострению проблемы бедности.

В силу этого определенное неравенство доходов следует признать нормальным. Более того - это крайне важный инструмент поощрения трудовой активности людей. Таким образом, неравенство доходов - это та цена, которую обществу приходится платить за ускорение роста общего уровня благосостояния всех граждан страны. Но необходимость такой "платы" никогда не вызывает у людей радости. Напротив. Чем выше различия в уровнях жизни между богатыми и бедными, тем сильнее недовольство последних, что увеличивает социальную напряженность в обществе и может привести к социальному взрыву. Согласно данным опроса, проведенного в 1999 г. в шести странах Цен-

трально-Восточной Европы и России, почти две трети людей выразили недовольство тем, что различия в доходах слишком велики в их странах [79].

Экономисты давно установили, что различие в доходах становится опасным, если оно: оказывается чрезмерно большим или увеличивается слишком высокими темпами. Далее рассмотрим несколько веских аргументов против неравенства в распределении доходов.

4.1. Неравенство и здоровье

Один из аргументов противников высокого неравенства сводится к тому, что чрезмерное неравенство в распределении доходов оказывает негативное влияние на здоровье. Вероятно, это объясняет, почему, например, такая страна как Соединенные Штаты, одна из самых богатых стран в мире, которая тратит более чем любые другие страны на здравоохранение, занимает ниже 25 места по уровню ожидаемой продолжительности жизни. Различия доходов между богатыми и бедными в Соединенных Штатах больше, чем в любой другой развитой стране.

Для современной России указанная проблема имеет особую значимость, так как ее обострение вызвано "наступлением с обоих флангов" как не имеющего мировых аналогов ухудшения демографической ситуации, так и процесса резкого социально-экономического расслоения общества.

Доход, неравенство дохода и здоровье: теоретическая связь

Существует несколько гипотез, позволяющих объяснить возможную связь между доходом, неравенством в распределении доходов и здоровьем, предложенных учеными разных дисциплин: экономистами, социологами, эпидемиологами [80, 81, 82, 83, 84].

Основная идея о том, что доход оказывает влияние на здоровье, получила развитие в основополагающей работе С.Престона (Preston, 1975) [85] в этой области, который обнаружил, что влияние дополнительного дохода на здоровье (мерой которого служила смертность) сильнее на тех, у кого низкие доходы, по сравнению с теми, у кого высокие доходы. Это проиллюстрировано на рис. 4.1.1.

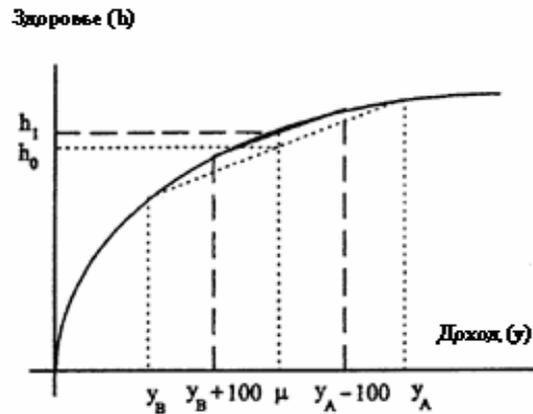

Рис. 4.1.1. Связь между доходом и здоровьем человека

Источник: Wagstaff A., E. van Doorslaer Income Inequality and Health: What Does the Literature Tell Us? // Annual Review of Public Health. - 2000. - № 21.

Выгнутая форма кривой свидетельствует о том, что доллар, переданный от богатого человека к бедному, способствует улучшению здоровья бедного человека в гораздо большей степени, чем ухудшению здоровья человека с высоким доходом, и, в конечном счете, приводит к улучшению среднего здоровья населения в целом. Эта гипотеза получила название **гипотезы абсолютного дохода**. Согласно ей здоровье индивидов зависит от их собственного (и только их собственного) уровня дохода. При сравнении двух обществ с одинаковым средним доходом, в обществе с более эгалитарным распределением живут более здоровые люди, чем в обществе с высоким неравенством. В интернациональном контексте А.Дитон (Deaton, 2001) [81] указывает, что перераспределение дохода от богатых стран к бедным способно улучшить среднее здоровье населения в мире, даже если средний доход остался без изменения.

Очень близка к вышеизложенной концепции **гипотеза абсолютной депривации или бедности**, в соответствии с которой, чем ниже доход индивида, тем хуже его здоровье и выше риск смерти, что обусловлено множеством факторов, связанных с экстремальной бедностью: недостаточным питанием, плохим качеством медицинского обслуживания, подверженностью различного рода физиологическим рискам и стрессам. В соответствии с этой гипотезой доллар, перераспределенный от богатого человека к бедному, способствует улучшению здоровья последнего и улучшению среднего здоровья всего населения.

Согласно **гипотезе относительного дохода**, здоровье индивида определяется доходом относительно среднего дохода в обществе. Таким образом, если абсолютный доход индивида остается без изменений, в то время как, общее распределение сдвигается вверх, здоровье человека ухудшается. Такая связь между относительным доходом и здоровьем может объясняться, например, если общее повышение доходов влечет за собой повышение цен, включая стоимость медицинского обслуживания. В результате, индивиды, чьи доходы остаются без изменения в абсолютных значениях, имеют меньше возможностей оплачивать медицинскую помощь, что, таким образом, способствует ухудшению их здоровья.

Другая гипотеза, которая устанавливает, что здоровье индивида зависит от позиции, которую он занимает в обществе [86, 87], получила название **гипотезы относительной позиции**. По сути, она очень близка к гипотезе относительного дохода и даже расширяет ее, так как рассматривает ранг (социальное положение) вместо дохода, например, ранг занятости или ранг образования.

Сторонники гипотезы относительной позиции часто ссылаются на исследования социального поведения в лабораториях среди крыс и среди диких животных, которые подтверждают, что животные, занимающие низшую позицию в сообществе, имеют плохое здоровье [88, 89].

Эта гипотеза подтверждается многими исследованиями, проведенными в США и Великобритании, которые показывают, что те, кто находится на высших ступенях социально-экономической иерархии, имеют здоровье лучше по сравнению с теми, кто стоит на ступеньку ниже их по иерархической лестнице - так называемый "эффект градиента" социально-экономического положения на здоровье [90, 91].

Гипотеза относительной позиции означает, что плохому здоровью способствуют не просто условия, испытываемые теми, кто находится в абсолютной бедности, а, скорее, осознание своей обездоленности, стресс и другие психологические, а не материальные, факторы.

Гипотеза неравенства дохода. Наконец, несколько исследователей установили, что существует значительная отрицательная корреляция между неравенством в распределении дохода и здоровьем в обществе, что свидетельствует о том, что уменьшение неравенства способствует улучшению здоровья. Например, по мнению Р.Вилкинсона (Wilkinson, 1996) [87] неравенство дохода - "одна из наиболее сильных детерминант здоровья" и "наиболее важное ограничение качества жизни в современных обществах". И.Кавачи и др. (Kawachi et al., 1997) [92] описывают неравенство дохода как "важную проблему здравоохранения".

Влияние неравенства в распределении доходов на здоровье было эмпирически доказано в ряде зарубежных исследований, которые проводились не только на уровне одной страны, но и в разных странах и регионах. При этом в качестве меры здоровья исследователи используют детскую смертность [93, 94, 95, 96], продолжительность жизни [97, 98, 99], общий уровень смертности [100, 101, 102, 103], смертность по разным причинам [100, 101], самооценку здоровья [104].

Механизм воздействия экономического неравенства на здоровье еще не достаточно хорошо изучен. Существуют три концепции, объясняющие связь между неравенством и здоровьем:

- 1) концепция личного дохода,
- 2) концепция психосоциальной среды,
- 3) нео-материальная концепция.

Согласно *концепции личного дохода*, связь между неравенством и здоровьем просто отражает нелинейное отношение (выгнутое, см. рис. 4.1.1) между доходом и здоровьем на индивидуальном уровне [105, 106, 85]. Эмпирически это протестировано в нескольких исследованиях, которые контролировали личный доход при анализе взаимодействия между неравенством дохода и здоровьем. При этом иногда ассоциация между неравенством дохода и здоровьем оставалась [107, 108, 109, 110, 111], а иногда нет [112, 113].

Однако вопросы о том, в какой степени отношение между мерами неравенства на агрегированном уровне и здоровьем отражает нелинейную связь между личным доходом и здоровьем; будет ли агрегированное отношение рассмотрено как артефакт данных индивидуального уровня и, следовательно, незначимо, или неравенство дохода играет более серьезную роль в производстве неравенства в здоровье, остаются открытыми для обсуждения.

Большая часть дискуссии в литературе посвящена так называемой концепции психосоциальной среды. Множество исследователей считают, что неравенство само по себе производит общественную среду, которая, в конце концов, оказывает влияние на здоровье.

Так, Р.Вилкинсон (Wilkinson, 1996) [87] полагает, что люди оценивают свое положение в обществе путем сравнения с положением других людей, окружающих их. Чем больше социальное неравенство, тем больше они осознают, что ничего не могут сделать для того, чтобы изменить свой низкий социальный статус. Это создает стресс, который в свою очередь способствует развитию сердечно-сосудистых заболеваний, депрессии, и т.п. Таким образом, неравенство является причиной возникновения проблем со здоровьем среди бедных. Однако стресс и депрессии способствуют тому, что индивид, возможно,

станет виновником аварии или совершит преступление. И, таким образом, вредное воздействие неравенства может распространиться на все население в целом.

И.Кавачи и Б.Кеннеди (Kawachi & Kennedy, 1999) [114] предположили более сложную связь между неравенством дохода и здоровьем. По их мнению, неравенство препятствует образованию социального капитала, что, в свою очередь, оказывает отрицательное воздействие на здоровье. Под социальным капиталом понимается уровень доверия, сплоченности в обществе; такая деятельность как, например, участие в выборах, в добровольных общественных организациях. Неравенство способствует уменьшению доверия и сплоченности в обществе, что, в свою очередь, может неблагоприятно отразиться на принятии политических решений (например, способствовать уменьшению инвестиций в образование, социальное обеспечение). Недостаток социального капитала может привести к тому, что люди чувствуют себя изолированными и уязвимыми, что, в свою очередь, влечет за собой рост числа стрессовых состояний, депрессий. Более того, для того, чтобы снять напряжение, люди, подверженные стрессу, могут начать злоупотреблять алкоголем, наркотиками, табакокурением. Такое злоупотребление повышает риск смерти в результате внешних причин (аварий, актов насилия) не только для бедного, но и для всего населения.

Сторонники *нео-материальной концепции* полагают, что несправедливое распределение дохода в стране приводит к неравному доступу различных слоев населения к товарам и услугам, прямо или косвенно способствующим улучшению состояния здоровья. Что, в свою очередь, способствует снижению эффективности профилактических мер здравоохранения (например, прививки детям), контроля заболеваемости (например, туберкулезом), повышению показателей преступности, влияющей на здоровье всего населения.

Примеры исследований, изучающих нематериальную концепцию связи между неравенством дохода и здоровьем, включают работы, которые рассматривают возможную промежуточную роль общественных инвестиций, например, в здравоохранение, общественную безопасность, образование и качество окружающей среды [115, 116].

Однако для полноты понимания связи между неравенством в распределении доходов и здоровьем необходимо рассмотреть возможности, при которых это влияние оказывается положительным [117].

Первая возможность связана с технологическим развитием. Например, представим ситуацию, что в стране X богатые люди богаче, чем богатые в стране Y, а бедные беднее бедных. Возможно, что богатые люди в стране X будут более заинтересованы, чем в стране Y,

в особых типах товаров и услуг, способствующих улучшению здоровья, таких, например, как передовые медицинские технологии. И даже профинансируют развитие таких технологий в стране X. Тогда выгодой от них, возможно, могли бы воспользоваться и бедные люди. В результате, бедные люди в стране X, могут иметь преимущество в здоровье по сравнению с бедными людьми в стране Y, несмотря на то, что в стране X распределение дохода более неравномерное по сравнению со страной Y.

Другая возможность касается механизма прогрессивного налогообложения. Например, предположим, что страны X и Y идентичны во всех отношениях, включая прогрессивность их фискальной системы. Единственное отличие заключается в том, что в стране X живут более богатые люди по сравнению со страной Y. При этих обстоятельствах в стране X могут формироваться более высокие налоговые поступления, и это создает возможности для обеспечения дополнительного финансирования медицинского обслуживания, что имеет несомненную выгоду для бедных в стране X сравнительно со страной Y.

Третья возможность имеет отношение к психосоциальной концепции, согласно которой здоровье бедных ухудшается, когда они сравнивают свое положение с положением богатых. Но и обратное может быть верным. Здоровье богатых улучшается, когда они сравнивают себя с бедными. В этой ситуации неравенство доходов может оказывать положительный (для богатых) и отрицательный (для бедных) эффект на здоровье. Тогда общий эффект неравенства будет зависеть от относительного размера богатых и бедных групп населения в обществе и степени положительного или отрицательного воздействия, которое они испытывают. Чистый эффект неравенства может быть положительным, отрицательным или нейтральным.

Связь между неравенством дохода и здоровьем была рассмотрена на примере стран с так называемой переходной экономикой. Показатель смертности населения был выбран в качестве меры, характеризующей здоровье. Основным массивом данных, использованным в исследовании, является "Health for All" (HFA)¹⁵ база данных, собранная Всемирной Организацией Здравоохранения, содержащая различные социально-экономические индикаторы и индикаторы смертности для европейских стран и республик Центральной Азии, а также данные о функционировании системы здравоохранения и

¹⁵ www.who.dk

образе жизни населения (например, число больничных мест, докторов, число потребляемых сигарет, количество употребляемых овощей и т.д.).

В качестве источника информации о неравенстве в распределении доходов населения использовалась TMONEE база данных, составленная в рамках проекта "Monitoring Public Policy and Social Conditions in Central and Eastern Europe"¹⁶, проводимого ЮНИСЕФ, которая содержит более 100 показателей, касающихся здоровья и социально-экономического развития для 27 стран Центральной и Восточной Европы, включая страны бывшего Советского Союза за период с 1989 г. по 2000 г. Стоит отметить, что страны, для которых практически нет данных, были исключены из анализа.

Смертность населения в странах с переходной экономикой

Что же происходило со смертностью в бывшем восточном лагере и в бывшем СССР?

В 1990-е годы в целом ряде стран, таких как Белоруссия, Болгария, Латвия, Литва, Молдавия, Россия, Румыния, Украина и Эстония смертность существенно росла (табл. 4.1.1)

В результате, например, в России и Украине, уровень смертности в 2000 г. был равен средней смертности в странах Африки южнее Сахары - 15 умерших в год в расчете на тысячу человек населения, тогда как средний показатель смертности в развивающихся странах равнялся девяти, а в развитых - восьми.

Однако быстрые экономические реформы не во всех странах с переходной экономикой повлекли за собой такие печальные последствия. Например, в Чехии, смертность в 1990-е гг. продолжала снижаться, а в Польше, Венгрии, Словении и Словакии она оставалась практически неизменной.

Если внимательно проследить за динамикой смертности и неравенства в странах Центральной и Восточной Европы, а также бывшего СССР, то можно сделать вывод, что в тех странах, которые смогли сдержать резкий всплеск неравенства, демографическая ситуация оставалась более благоприятной (табл. 4.1.1).

¹⁶ www.unicef.org/ead

Таблица 4.1.1.

**Динамика общего коэффициента смертности и неравенства
в некоторых странах с переходной экономикой**

	Общий коэффициент смертности			Коэффициент Джини		
	1989	1994	2000	1989	1994	2000
Центральная Европа						
Чехия	12,3	11,4	10,6	19,8	23,0	23,1
Словакия	10,3	9,7	9,8		23,7 ^b	26,4
Польша	10,1	10,0	9,5	27,5	32,3	34,5
Венгрия	13,8	14,3	13,5	22,5	23,4	25,9
Юго-Восточная Европа						
Словения	9,4	9,7	9,3	21,0	24,6	24,6
Хорватия	11,0	10,4	11,5	36,0		35,0
Болгария	12,0	13,2	14,1	23,3	37,4	33,2
Румыния	10,7	11,7	11,4	23,7	26,4	31,0
Прибалтика						
Эстония	11,8	14,8	13,1	28,0	39,8 ^a	38,9
Латвия	12,2	16,4	13,6	26,0		32,7
Литва	10,3	12,5	10,5	26,3	34,7 ^b	35,5
СНГ						
Беларусь	10,2	12,7	13,5	22,9	25,3 ^a	24,7
Молдова	9,2	11,8	11,3	25,1	46,4 ^b	43,7
Украина	11,7	14,8	15,4	22,8	47,0 ^a	36,3
Россия	10,7	15,6	15,3	23,3	40,9	40,1

a - данные за 1995 г.

b - данные за 1996 г.

На рис. 4.1.2 изображена динамика коэффициента смертности и коэффициента Джини в отдельно взятой стране рассматриваемого региона - России. Очевидно, что две кривые, характеризующие изменение этих двух показателей во времени, практически идентичны. Так за период с 1989 г. по 1994 г. неравенство в распределении доходов практически удвоилось, а смертность увеличилась на 46%. Период сокращения неравенства с 1995 г. по 1997 г. сопровождался уменьшением общего коэффициента смертности. Новый рост неравенства после 1998 г., хотя и очень медленными темпами, происходил одновременно с увеличением смертности россиян.

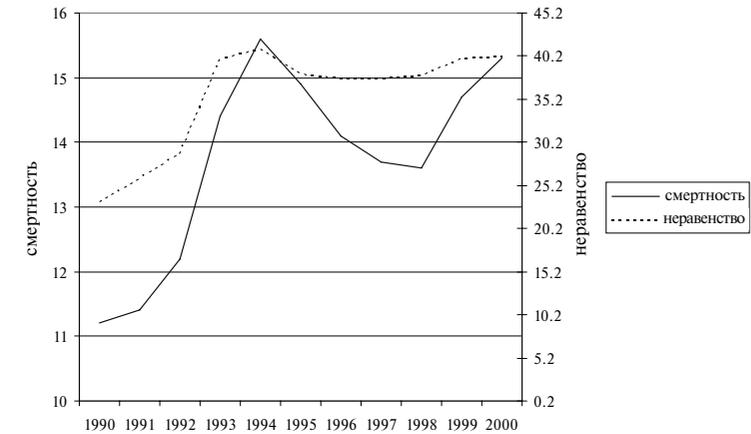

Рис. 4.1.2. Динамика коэффициента смертности и неравенства в России (коэффициент Джини)

Резкий всплеск уровня смертности в отдельных странах объясняется, прежде всего, существенным ростом смертности среди взрослого мужского населения. Для старших возрастов - в связи с увеличением числа заболеваний системы кровообращения, для более молодых - в связи с ростом количества смертей от несчастных случаев, убийств и самоубийств.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу влияния экономического неравенства на здоровье населения (мерой которого была выбрана смертность) в странах с переходной экономикой за период 1989-2000 гг., был проведен более глубокий анализ имеющейся информации с помощью регрессионных моделей. Зависимыми переменными выступали: 1) коэффициенты смертности отдельно для мужчин и женщин в возрасте 25-34, 35-44, 45-54 и 55-64 лет (число умерших на 100 тыс. соответствующей группы населения) от всех причин; 2) младенческая смертность (число детей умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми); 3) специфические коэффициенты смертности отдельно для мужчин и женщин.

Коэффициент детерминации (R^2) интерпретируется как доля общей вариации зависимой переменной, которую можно объяснить вариацией переменной независимой. R^2 колеблется в пределах от 0 до 1. Если между зависимой и независимой переменными нет связи, то R^2 равен 0 или очень мал. Однако выборочная оценка R^2 часто оказывается слишком оптимистической оценкой соответствующего параметра. По мере добавления переменных R^2 увеличивается, даже ес-

ли переменные - это столбцы случайных чисел, не имеющих никакого отношения к зависимой переменной. Поэтому мы использовали приведенный коэффициент R^2_{adj} , который позволяет компенсировать этот оптимистический перекокс.

Коэффициенты регрессии показывают, насколько изменится величина моделируемого признака (смертности или продолжительности жизни) при изменении меры неравенства на единицу.

Необходимо отметить, что при рассмотрении двух временных рядов может случиться так, что два составных временных ряда с аналогичными тенденциями имеют причинно-следственную связь, тогда как на самом деле это не так. Например, в нашем случае смертность населения (которая имеет тенденцию к повышению), обуславливается увеличением экономического неравенства (которое изменяется также по направлению роста). Тем не менее, здесь может не наблюдаться причинная связь.

Для того чтобы устранить ошибки автокорреляции, был использован так называемый "метод первых разностей", в соответствии с которым вычислили $y^* = y_t - y_{t-1}$ для любого t , где y_t представляет зависимую переменную (смертность) в момент времени t . Затем нашли различия для ковариат (независимых переменных) по тому же принципу. И затем, регрессионный анализ был проведен для новых данных.

Результаты регрессионного анализа (табл. 4.1.2) показали, что неравенство в распределении доходов не оказывает влияния на младенческую смертность. Это, вероятно, связано с тем, что младенческая смертность в значительной мере зависит от ряда других факторов, таких как, здоровье матери и ее образ жизни во время беременности; степень ее осведомленности о правилах ухода за новорожденным и т.п.

Таблица 4.1.2.

Регрессионная оценка влияния неравенства в распределении доходов на смертность населения от всех причин

а) младенческая смертность и смертность мужчин

	Дети до 1 года	Мужчины в возрасте			
		25-34 лет	35-44 лет	45-54 лет	55-64 лет
Const	-0,742**** (-5,222)	-5,418 (-1,662)	-14,143* (-2,266)	-23,421* (-2,087)	-33,300* (-2,242)
B	0,011 (0,159)	6,400**** (3,915)	16,913**** (5,403)	31,005**** (5,510)	40,333**** (5,416)
R²	0,000	0,156	0,206	0,315	0,261
R²adj	-0,012	0,146	0,251	0,307	0,252

б) смертность женщин

	25-34 лет	35-44 лет	45-54 лет	55-64 лет
Const	-1,680* (-1,870)	-4,675*** (-2,953)	-7,720* (-2,334)	-17,345**** (-3,467)
B	1,346*** (2,988)	4,908**** (6,182)	7,466**** (4,502)	11,409**** (4,458)
R²	0,097	0,315	0,196	0,199
R²adj	0,086	0,307	0,187	0,190

**** P<0,001 *** P<0,005 ** P<0,01 *P<0,05

В скобках - t- статистика

В то же время было обнаружено существенное влияние уровня расхождения населения по доходам на смертность взрослого населения. Специального внимания заслуживают знаки полученных коэффициентов регрессионных уравнений, которые характеризуют направленность обнаруженной зависимости: чем больше экономическое неравенство, тем выше смертность. При этом необходимо отметить, что эти зависимости являются статистически значимыми. Наибольшее влияние неравенство оказывает на смертность мужчин в возрасте 45-54 лет и смертность женщин в возрасте 35-44 лет. В этом случае неравенство объясняет более 30% варибельности показателя смертности, тогда как в других случаях от 8% (для женщин в возрасте 25-34 лет) до 25% (для мужчин в возрасте 55-64 лет).

Огромный вклад болезней системы кровообращения в избыточную преждевременную смертность населения заставляет рассмотреть этот класс причин смерти более подробно.

Различия в смертности от болезней системы кровообращения, обозначившиеся в странах Центральной и Восточной Европы еще в середине 80-х годов, значительно углубились в 90-е годы (рис. 4.1.3). Словения приблизилась к средним показателям стран-членов ЕС. Чуть отстает от нее Чешская республика. Произошло значительное снижение показателей смертности по причине болезней системы кровообращения в таких странах как Польша, Словакия, Венгрия, Хорватия. В других странах переходный период сопровождался ростом уровней смертности от болезней системы кровообращения. В России и Латвии за первые четыре года переходного периода уровень смертности в связи с такими болезнями вырос примерно на 80%. Во второй половине 90-х годов ситуация в целом улучшилась. Однако России, Белоруссии, Украине и Болгарии так и не удалось к концу десятиле-

тия вернуться к уровню допереходного периода. Особую тревогу вызывает Россия, где в 1999 г. произошел новый рост смертности по причине болезней системы кровообращения.

Результаты регрессионного анализа (табл. 4.1.3) свидетельствуют о том, что переменная, характеризующая неравенство доходов, более преуспела в объяснении смертности от болезней системы кровообращения мужчин, нежели женщин. Например, для мужчин в возрасте 45-54 лет неравенство доходов объясняет около 22% смертности от сердечно-сосудистых заболеваний.

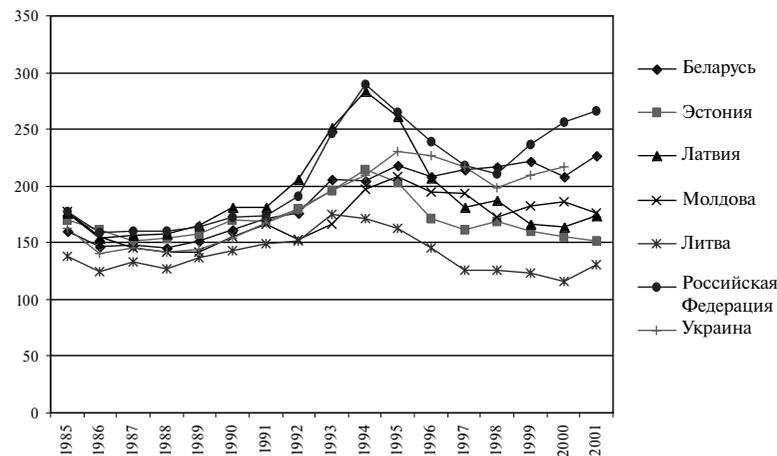
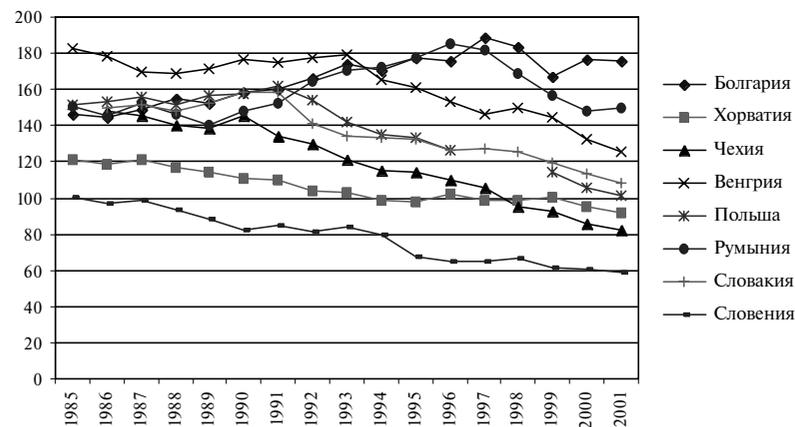

Рис. 4.1.3. Динамика смертности населения от болезней системы кровообращения (на 100 000 населения)

Таблица 4.1.3.

Регрессионная оценка влияния неравенства в распределении доходов на смертность населения по причине болезней системы кровообращения

а) смертность мужчин

	25-34 лет	35-44 лет	45-54 лет	55-64 лет
Const	-0,968 (-1,718)	-3,951* (-2,098)	-10,697* (-2,090)	-20,952 (-1,167)
B	0,866* (3,114)	4,037**** (4,345)	12,151**** (4,812)	22,444* (2,443)
R ²	0,100	0,191	0,224	0,070
R ² adj	0,097	0,181	0,215	0,058

б) смертность женщин

	25-34 лет	35-44 лет	45-54 лет	55-64 лет
Const	-0,077 (-0,280)	-1,008 (-1,309)	-4,824* (-2,036)	-11,129 (-1,769)
B	0,145 (1,044)	1,070** (2,770)	3,248** (2,734)	6,641* (2,100)
R ²	0,013	0,085	0,083	0,050
R ² adj	0,001	0,074	0,072	0,039

**** P<0,001 *** P<0,005 ** P<0,01 *P<0,05

В скобках - t-статистика

Многие российские мужчины не смогли выдержать правила конкурентной игры в зарождающейся рыночной среде, зачастую имеющей криминальный характер, неразвитую рыночную инфраструктуру, слабое государственное регулирование трудовых процессов, девальвацию образовательного потенциала. Свою лепту вносят средства массовой информации, различными методами пропагандирующие "высокий уровень жизни", "нормальную семью", в которой муж - кормилец, а жена - домохозяйка. Неумение или невозможность справиться со своей новой ролью "единственного кормильца" в семье вызывает у мужчин постоянное беспокойство, депрессию, нарушение сна, когда вместо отдыха человек мучительно думает, как обеспечить "достойный" уровень жизни своей семье. Эти на первый взгляд не очень опасные расстройства чреватые куда более серьезными последствиями: болезнями сердца, инфарктом, инсультом. Именно 40-летние мужчины пострадали в наибольшей степени. Они не успели "набрать очки" в советской социальной иерархии и уже не могут вписаться в современные конкурентные отношения на рынке труда.

Другие факторы, оказывающие влияние на смертность

Резкие флуктуации уровней смертности в России в 90-х годах, которые не могли не вызвать всеобщие озабоченность и тревогу, дали толчок волне новых исследований в этой области (например, [118]). Тем не менее, им до сих пор не найдено исчерпывающего объяснения. Среди исследователей доминирует точка зрения, что основными факторами, оказывающими влияние на смертность, являются кризис системы здравоохранения, экологическое неблагополучие, злоупотребление алкоголем, существенное снижение уровня жизни населения, плохое питание. Соответственно основные усилия предлагается направить на борьбу с перечисленными обстоятельствами. Насколько обоснованы обозначенные приоритеты?

Политика экономии на здравоохранении досталась нам в наследство от бывшего СССР. Доля ВВП, расходуемого на нужды здравоохранения в России в 2-3 раза ниже, чем в странах с низкой смертностью. Притом, что ВВП в расчете на душу в нашей стране в 2-4 раза ниже, чем в этих странах. Однако ухудшение функционирования системы здравоохранения не является основным определяющим фактором, ответственным за резкие изменения смертности. Проведенный анализ показал, что переменная, связанная с функционированием системы здравоохранения (расходы на здравоохранение по паритетам покупательной способности) оказалась не способна объяснить колебания уровня смертности в странах с переходной экономикой, описывая только 3-5% общей волатильности. При этом полученные результаты являются статистически значимыми для мужчин старше 35 и женщин старше 45 лет.

Многие эксперты полагают, что проблемы загрязнения окружающей среды также не могут объяснить значительную часть российского кризиса смертности. В экологическом аспекте Россия 90-х годов имела более благоприятные показатели, чем страны Западной Европы. В дальнейшем экологическая ситуация продолжала улучшаться (на фоне растущей смертности), что объясняется 40% падением промышленного производства и снижением выбросов вредных веществ, уменьшением химизации сельского хозяйства, сокращением вырубки лесов. Кроме того, структура роста смертности по причинам (три четверти общего роста смертности обусловлены сердечно-сосудистыми заболеваниями и смертностью от внешних причин, включающих в себя несчастные случаи, отравление алкоголем, убийства и самоубийства) говорит о том, что экологические проблемы, по всей видимости, не являются ключевым фактором, роста смертности населения.

Гипотеза о злоупотреблении алкоголем подтверждается тем фактом, что значительное увеличение продолжительности жизни в 1985-1987 гг. совпало с периодом введения антиалкогольной кампании, а рост смертности произошел одновременно со свертыванием кампании. Однако, в начале 90-х среднедушевое потребление, хотя и выросло по сравнению с периодом антиалкогольной кампании, но лишь немного превышало уровень, который существовал до ее начала (14,6 литра на человека в год в 1994 г. против 14,2 в 1984 г.). Уровень же смертности в пиковом 1994 г. был выше уровня не только относительно благоприятных 1986-1991 гг., но и самых неблагоприятных лет периода между 1965 г. и 1984 г. [119]. Многочисленные зарубежные исследования показывают, что вредные привычки являются факторами риска заболеваемости и смертности лишь на уровне индивида, а не популяций. По расчетам исследователей [120] потребление алкоголя "ответственно" лишь за 1,5% смертей в мире.

Исследователи также выступают против плохого питания как ключевого фактора ухудшения здоровья населения, поскольку, хоть продукты питания и стали более дорогими, потребительский набор стал более разнообразным. По сравнению с 1990 г. россияне начали потреблять меньше содержащих холестерин продуктов: мяса на 31%, молока на 38%, яиц на 25%. Концентрация холестерина в крови уменьшилась. Повысился общий уровень двигательной активности населения, так как многие граждане стали работать на двух-трех работах, и это сопровождалось увеличением дистанции ежедневной ходьбы.

В настоящий момент многие ведущие исследователи, например, В.Школьников и др. (Shkolnikov et al., 1998) [121] говорят, что бедность также не является фактором первостепенной важности. Уровень жизни в России был и остается достаточно высоким в сравнении со многими развивающимися странами с гораздо более оптимистичной картиной смертности среди взрослого населения.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в 90-е годы в странах Центральной и Восточной Европы различия в здоровье в значительной мере были обусловлены уровнем социально-экономического расслоения. Скорее всего, негативное влияние неравенства на здоровье связано с возникновением социально-психологического стресса, приводящего к развитию сердечно-сосудистых заболеваний, гипертонии, неврозу, росту смертности от несчастных случаев, убийств и суицидов. Вместе с этим возможен и другой механизм связи между неравенством в распределении дохода и здоровьем: неравенство дохода способствует неравному доступу к качественному медицинскому обслуживанию.

Отсюда следует, что регулирование неравенства в распределении доходов населения призвано оказать существенное воздействие на преодоление негативных тенденций смертности, сложившихся в 90-е годы в России и ряде других стран с, так называемой, переходной экономикой.

4.2. Неравенство и преступность

Подобно тому, как военные катастрофы - Гражданская и Великая Отечественная войны - порождали сильнейшие волны бандитизма, проводимые в России социально-экономические преобразования на рубеже 80-90-х гг., вызвали волну преступности. В мировых СМИ стал формироваться образ России как "криминального общества" и даже "воровского государства", в котором преступность стала едва ли не доминирующей чертой.

Одно из возможных объяснений роста преступности в России, вероятно, кроется в беспрецедентном росте неравенства в распределении дохода за последнее десятилетие.

Существует несколько теорий, объясняющих связь между распределением экономического благосостояния и распространением преступности, предложенных экономистами, социологами, криминологами и специалистами в области здравоохранения.

Теории, объясняющие связь между неравенством и преступностью

Экономическая модель преступности, предложенная Г.Беккером (Becker, 1968) [122], представляет собой стандартную модель принятия решения, в которой индивиды делают выбор между незаконной и законной деятельностью на основании ожидаемой полезности от этой деятельности. Среди показателей, которые влияют на решение индивида заниматься преступной деятельностью - (i) ожидаемая выгода от преступления по сравнению с доходами от законной деятельности, (ii) шанс (риск) быть пойманным и осужденным, (iii) степень строгости наказания и (iv) возможности законной деятельности.

При определенных условиях экономическая модель такого типа может объяснить отношение между преступностью и неравенством. Предположим, например, что ожидаемая отдача от незаконной деятельности зависит от среднего дохода домохозяйств в обществе. При этом отдача от преступления для потенциальных преступников равняется доходам в более низком хвосте распределения дохода. Тогда относительная выгода от преступления определяется разницей между

средним доходом в обществе и доходами сравнительно бедных. Это означает, что ожидаемый уровень преступности будет высоким в обществе с более высоким неравенством. Модель Г.Беккера не подразумевает, что неравенство само по себе способствует преступности: неравенство способствует возникновению побуждений для криминальной деятельности. Следуя за Г.Беккером, И.Эрлих (Ehrlich, 1973) [123], В.Чиу и П.Мадден (Chiu & Madden, 1998) [124] и Ф.Буржинон (Bourguignon, 2001) [125] полагают, что экономические побуждения для совершения преступления более высокие в областях с большим неравенством в обществе.

Отношение между неравенством и преступностью также является предметом **социологических теорий преступности**. В соответствии с которыми "со степенью согласованности, которая необычна для общественных наук, людям, принадлежащим к более низкому классу, и людям, проживающим в районах более низкого класса, свойственны более высокие показатели преступности по сравнению с другими группами" [126]. Согласно одной из ведущих социологических парадигм преступности, теории "относительного лишения", неравенство способствует возникновению социальной напряженности, так как менее обеспеченные люди чувствуют себя ущемленными по сравнению с богатыми. Чувство ущемленности и несправедливости заставляет бедных искать компенсацию и удовлетворение всеми возможными способами, включая совершение преступлений, как против бедных, так и против богатых.

В соответствии с мнением Д.Ледермана и коллег (Lederman et al., 2001) [127], уменьшению уровня преступности может способствовать социальный капитал. Если неравенство связано с недостатком социального капитала в обществе, тогда можно ожидать, что наблюдается положительная корреляция между неравенством и преступностью.

На распространение преступности может оказывать влияние недостаток восходящей мобильности в обществе. Л.Козер (Coser, 1962) [128], показал, что люди, которые воспринимают свою бедность как постоянную (долговременную), могут быть подвержены враждебным импульсам, а не рациональным поискам решения их проблем. М.Вилсон и М.Дейли (Wilson & Daly, 1997) [129] предложили гипотезу, в соответствии с которой, чувствительность к неравенству, в особенности у тех, кто находится внизу распределения по доходам, приводит к поведению с повышенным риском, как, например, преступление, когда ожидаемый выигрыш от поведения с низким риском не достаточен. Если неравенство дохода (статическая мера) коррелирует с общественной мобильностью (динамическое понятие), тогда эти теории подразумевают более высокое распространение криминального поведения в более неравных областях.

Следующая теория, имеющая тесное отношение к теориям социальной мобильности, теория связи между общественной неорганизованностью и преступностью. Р.Мертон (Merton, 1968) [130] выдвинул предположение о том, что "когда система культурных ценностей придает особое значение, фактически ставит превыше всего, определенные общепринятые символы успеха для широких слоев населения, тогда как общественная структура строго ограничивает или полностью устраняет доступ к принятым способам получения этих символов для значительной части населения, тогда антиобщественное поведение проявляется в значительном масштабе". Следовательно, недостаток восходящей мобильности в обществе, скомбинированный с высокой платой за экономическое изобилие, приводит к незаконию, крушению стандартов и ценностей.

Эмпирическое подтверждение связи неравенства и преступности

Эмпирическое подтверждение связи неравенства и преступности, главным образом основанное на сравнениях в разных странах, или в штатах и городах США, свидетельствует о существовании положительной корреляции между неравенством и преступностью. Мета-анализ 34 исследований агрегированных данных [131] показал, что 97% парных коэффициентов корреляции насильственных преступлений с бедностью или неравенством были положительными. При этом 80% коэффициентов превышали 0,25. И.Эрлих (1973) [123] нашел положительную связь между относительной бедностью (процент населения с доходом ниже полмедианы в штате) и преступностью с более высокой эластичностью для преступлений против собственности по сравнению с насильственными преступлениями. При этом согласно результатам И.Эрлиха, медианный доход в штате так же положительно связан с преступностью против собственности. Результаты, полученные К.Морган (Morgan, 2000) [132], свидетельствуют о существовании прочной связи между неравенством дохода и насильственной преступностью в штатах Америки, но не преступностью против собственности. В соответствии с результатами Д.Ледермана и др. (2001) [127], рост неравенства дохода и низкие темпы экономического роста ведут к увеличению числа насильственных преступлений в разных странах. Используя панельные данные для, приблизительно, 39 стран, П.Файнзилбер и др. (Fainzylber, 2001) [133] получили аналогичные результаты для убийств и ограблений. Д.Ледерман и коллеги (2001) также показали, что более высокий социальный капитал, мерой которого послужил уровень доверия в каждой стране, ведет к уменьшению числа убийств. Б.Кеннеди и др. (Kennedy et al., 1998)

[134], используя данные для 39 штатов Америки, обнаружили, что неравенство оказывает влияние на насильственные преступления, в основном воздействуя на социальный капитал.

Связь между неравенством дохода и преступностью была рассмотрена на примере стран с переходной экономикой, включая республики бывшего Советского Союза. Временной период исследования охватывает 1989–2000 гг.

Межстрановые исследования преступности сталкиваются с серьезными проблемами, касающимися данных. Официальные данные преступности могут быть не сравнимы в разных странах, что обусловлено тем, что каждая страна страдает из-за своей собственной степени занижения сведений и определяет преступления разными способами. Занижение сведений особенно выражено в тех странах, где правоохранительная система и система правосудия недостаточно надежны¹⁷. Специфические классификации преступности в разных странах, вытекающие из разных юридических традиций и разного культурного восприятия преступности, также препятствуют межстрановым сравнениям. Типом преступления, который наименее подвержен занижению и идиосинкразической классификации, является преднамеренное убийство. Также хорошо подтверждено, что инцидентность убийства существенно коррелирует с инцидентностью других насильственных преступлений [135]. Поэтому в качестве показателя преступности в исследовании был использован уровень преднамеренных убийств. Этот показатель рассмотрен с учетом численности населения в каждой стране; т.е. количество убийств на 100 тыс. населения. Информация об уровне убийств, которая была использована в исследовании, основана на данных "Health for All" Всемирной Организации Здравоохранения, которая, в свою очередь, собирает данные из документов национальных органов здравоохранения¹⁸.

В качестве показателя неравенства в распределении доходов населения был использован коэффициент Джини. Источником информации о неравенстве послужила TMONEE база данных ЮНИСЕФ.

¹⁷ Например, по словам генпрокурора РФ Владимира Устинова, в РФ регистрируется лишь 20-25% совершаемых преступлений. И хотя проблема объективности показателей уровня преступности характерна не только для России, но и для других крупных мировых государств, в других странах соотношение числа совершаемых преступлений и случаев их регистрации составляет 1:2, тогда как в России - 1:5 (<http://top.rbc.ru/index4.shtml>)

¹⁸ Другим источником сопоставимых данных об уровне убийств является Всемирное Обследование Преступности Объединенных Наций (United Nations World Crime Survey), которое собирает данные из официальных документов национальных правоохранительных органов и системы правосудия.

Уровень убийств в странах с переходной экономикой

В Восточной Европе и в бывшем Советском Союзе уровень убийств значительно вырос в конце 1980-х и в начале 1990-х годов и сейчас значительно превышает уровень, наблюдающийся в Западной Европе или даже в Америке (рис. 4.2.1).

Страны бывшего Советского Союза стали самыми опасными в мире. Только за период 1989-1994 гг. в Эстонии число убийств увеличилось более чем на 250% - с 7,85 случаев на 100 000 до 29, в Латвии имел место прирост в 184% - с 8,8 на 100 000 до 25, в России - в 150% - с 12,4 случаев на 100 000 человек до 32,9.

В России убивают чаще, чем где бы то ни было. Так, уровень убийств (из расчета на 100 тыс. жителей) в 2000-2001 гг. составил в Германии - 0,7, Австрии - 0,9, Великобритании - 1,1, Швеции - 1,2, Польше 1,7, Чехии - 1,3, в России - 29 человек! Всего в мире на 100 тысяч человек приходится приблизительно 9,2 убийства. По количеству убийств Россия занимает второе место в мире. Единственная страна в мире, где вероятность погибнуть от руки убийцы выше, чем в России, - это Колумбия.

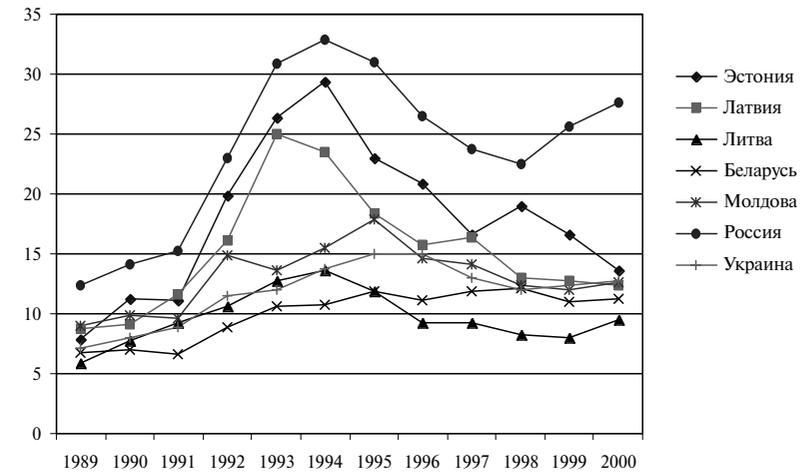
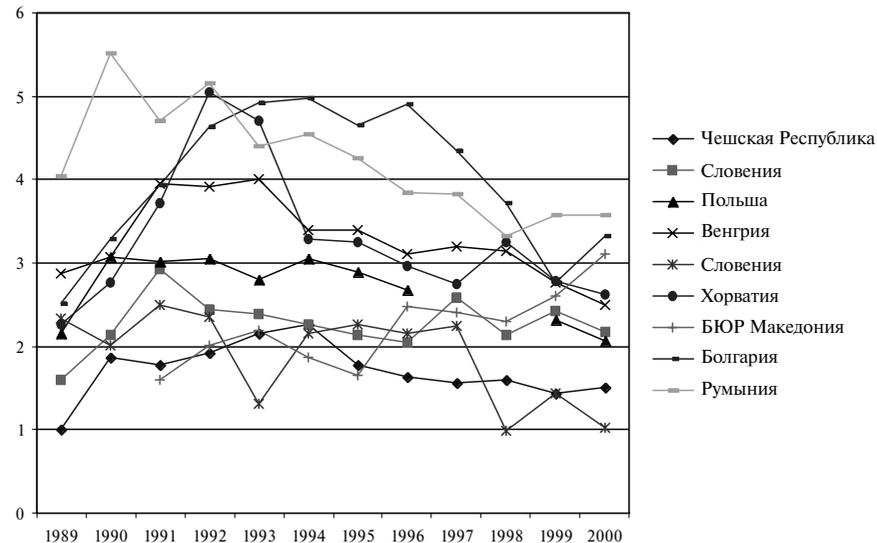

Рис. 4.2.1. Динамика уровня преднамеренных убийств в странах с переходной экономикой (на 100 000 населения)

Для того, что бы выявить связь между уровнем преднамеренных убийств и неравенством, были рассмотрены коэффициенты парной корреляции для двух разных типов данных: для исходных данных и для первых разностей. Во втором случае корреляция отражает взаимосвязь между уровнем преступности и неравенством, учитывая любые характеристики страны, которые остаются без изменений во времени, такие как географическое расположение и культурное наследие. Корреляции в обоих случаях положительны и статистически значимы ($r = 0,606$ ($p < 0,000$) и $r = 0,369$ ($p < 0,000$) для исходных данных и для первых разностей соответственно). Значительно меньшая корреляция наблюдается для первых разностей, что говорит о том, что практически половина корреляции между коэффициентом Джини и уровнем преднамеренных убийств объясняется характеристиками страны, которые постоянны во времени.

Табл. 4.2.1 представляет вторую группу коэффициентов парной корреляции - внутри стран и внутри временных периодов. И содержит информацию о средней и медианной корреляции между уровнем преднамеренных убийств и неравенством в распределении дохода, полученных, соответственно, с использованием всех наблюдений, доступных для каждой страны ("внутри стран"), и для всех временных периодов 1989-2000 гг. ("внутри временных периодов"). Ниже указана доля, соответственно для стран и периодов, для которых корреляция между уровнем преднамеренных убийств и коэффициентом Джини

была положительной. Согласно полученным результатам все вычисленные средние и медианные корреляции положительны. При этом если корреляции насильственной преступности и неравенства положительны для всех лет, то для стран - 53%. Тот факт, что медиана внутри страновых корреляций выше чем средняя указывает на то, что существуют некоторые страны, имеющие негативную корреляцию, что понижает среднее.

Таблица 4.2.1.

**Коэффициенты парной корреляции внутри стран
и внутри временных периодов между неравенством и уровнем
преднамеренных убийств**

	Внутри стран	Внутри временных периодов
Средняя корреляция	0,30	0,50
Медианная корреляция	0,73	0,60
Доля положительных корреляций	53% (N=15)	100% (N=12)

N - число наблюдений.

Важная проблема, которая возникает при использовании парных корреляций, связана с тем, что видимая положительная связь между преступностью и неравенством в действительности может быть обусловлена другими факторами, которые коррелируют одновременно и с преступностью, и неравенством. Для того чтобы учесть указанную проблему, мы рассмотрели связь между неравенством и преднамеренными убийствами с учетом других факторов, используя регрессионный метод анализа.

Основываясь на предыдущих исследованиях на макро- и микроуровне, в модель были включены следующие переменные, которые, как предполагается, находятся в тесной связи с уровнем убийств в дополнении к уровню неравенства: 1) уровень урбанизации страны, который измеряет долю населения, проживающего в городских поселениях 2) душевой ВВП страны (выраженный в логарифмах), 3) рост ВВП.

Основные результаты регрессионного анализа представлены в табл. 4.2.2.

Модели регрессионного анализа были рассмотрены для разных типов данных, как и при анализе парных корреляций: для исходных

данных и для первых разностей. И в первом, и во втором случаях была выявлена положительная и статистически значимая связь между неравенством и уровнем преднамеренных убийств. При этом само по себе неравенство доходов объясняет более 30% вариабельности показателя преступности для исходных данных и 14% - для первых разностей, т.е. часть корреляции между уровнем преднамеренных убийств и неравенством объясняется характеристиками страны, которые не изменяются во времени. Кроме того, при добавлении в модель других факторов, которые, как мы предполагали, тесно связаны с уровнем преступности, влияние неравенства доходов на преступность остается положительным и статистически значимым.

Таблица 4.2.2.

**Регрессионная оценка влияния неравенства в распределении
доходов на уровень преднамеренных убийств**

	Исходные данные		Первые разности	
Неравенство доходов (коэффициент Джини)	0,753*** (7,920)	0,720*** (7,015)	0,297*** (3,677)	0,400*** (3,959)
Экономический рост (% годового изменения реального ВВП)		-0,152 (-1,419)		-0,016 (-0,361)
Средний доход (логарифм душевого ВВП в \$ США)		-0,202 (-0,176)		-3,791** (-2,050)
Урбанизация (% городского населения)		0,332*** (4,198)		0,118 (0,375)
Intercept	-14,397*** (-5,014)	-33,172*** (-3,156)	-0,230 (-1,271)	-0,035 (-0,160)
R ²	0,367	0,489	0,136	0,250
R ² adj	0,362	0,466	0,126	0,198

*** P<0,001; ** P<0,05.

Итак, неравенство в распределении доходов действительно оказывает влияние на уровень преднамеренных убийств. Однако механизм воздействия неравенства на преступность остается за рамками нашего исследования и требует дальнейшего изучения. Достаточно очевидно, что здесь задействованы как экономическая, так и социологическая парадигмы. Крах коммунизма в странах Центральной и Восточной Европы, а также на территории бывшего Советского Союза, и

последовавшие за ним рост числа обездоленных, резкое расслоение населения по уровню экономического положения (появление небольшого числа очень богатых и массы бедных), породили соответствующую зависть, способствовали росту социальной напряженности, озлобленности среди населения.

С другой стороны, реформы принесли с собой новую структуру ценностей, новый стиль жизни. Полная безнравственность захлестнула наше общество. На первый план выдвинулись не духовные, а материальные интересы, ради удовлетворения которых люди готовы пойти даже на преступление.

4.3. Неравенство и экономический рост

Девальвация рубля в 1998 г., породившая довольно мощный импульс к импортозамещению, благоприятная конъюнктура на мировых рынках нефти и других продуктов российского экспорта способствовали экономическому росту в стране. Одновременно наблюдалось некоторое снижение и стабилизация неравенства в распределении доходов. В связи с этим возникает вопрос: как связаны между собой неравенство в распределении доходов и экономический рост?

Влияние экономического роста на распределение доходов населения

Впервые на существование связи между неравенством и экономическим развитием обратил внимание американский экономист С. Кузнец (Kuznets, 1955) [136]. Он показал, что экономическое развитие вначале ведет к увеличению неравенства, а затем к его уменьшению. Эта зависимость получила название кривой Кузнецца, или обратной U-кривой¹⁹.

¹⁹ Теоретическое обоснование кривой Кузнецца состоит в следующем. Рассматривается двухсекторная экономика, в которой первая отрасль (например, сельское хозяйство) является более отсталой в технологическом отношении, чем вторая (промышленное производство). Первоначально первая отрасль является преобладающей в экономике. Так как население занято преимущественно в этом секторе, то у всех доходы оказываются примерно равными и в стране устанавливается относительное равенство. Однако постепенно в экономике возрастает доля второго сектора, а из-за большей производительности труда в ней устанавливается более высокая зарплата, что способствует перетоку туда рабочей силы. При этом предполагается, что зарплата во второй отрасли может быть не столь однородна, как в первой. Это объясняется тем, что в отрасль вначале происходит приток неквалифицированной рабочей силы. Эти факторы способствуют росту неравенства как в экономике целом, так и во второй отрасли по мере ее развития.

За последние 50 лет предпринимались многочисленные попытки подтвердить эту зависимость. Тем не менее, она остается неясной, так как разные исследования демонстрируют прямо противоположные результаты. Например, Ф. Паукерт (Paukert, 1973) [137] и М. Ахлувалия (Ahluwalia, 1976) [138] нашли подтверждение существования обратной U-кривой С. Кузнецца для развивающихся стран. В то время как большинство современных исследований не обнаружили влияния экономического развития на распределение дохода [139, 140]. Даже, если была выявлена статистически значимая связь между экономическим ростом и изменениями в неравенстве при простой линейной регрессии, параметр оценки дохода терял свою значимость и мог даже поменять знак, если в модель вводились другие объясняющие переменные [141].

М. Рэвальон и С. Чен (Ravallion & Chen, 1997) [142], анализируя исследования домашних хозяйств в 67 развивающихся странах и странах с переходной экономикой за период с 1981 г. по 1994 г., нашли значимую *отрицательную* корреляцию между экономическим ростом и изменениями в неравенстве. Подобный результат был получен М. Кин и Э. Прасад (Keane & Prasad, 2001) [143] для 14 стран с переходной экономикой в первые 8 лет переходного периода.

Каков может быть механизм негативной связи между экономическим ростом и динамикой неравенства? Одно из возможных объяснений состоит в следующем. Быстрый экономический рост повышает спрос на рабочую силу. Переход из состояния безработицы к работе, или от частичной занятости к занятости полный рабочий день значительно стимулирует доходы тех, кто находится в нижнем хвосте распределения и уменьшает общее неравенство. Второе возможное объяснение носит косвенный характер. Общество с быстрым экономическим ростом становится богаче, и эти дополнительные ресурсы теоретически могут быть перераспределены в пользу бедных, что ведет к снижению неравенства. Конечно, это политический выбор и не имеет место автоматически с экономическим ростом.

Подведем итог вышесказанному. В настоящее время возникли большие сомнения в существовании взаимосвязи между экономическим ростом и неравенством в виде обратной U-кривой, предложенной Кузнецом. Более того, многие ученые склонны предполагать, что более важна обратная связь: *неравенство затрудняет экономическое развитие*. Однако споры вокруг этой проблемы еще не завершены.

Влияние неравенства на экономический рост

Ранее считалось, что неравенство стимулирует экономический рост [144]. Часто это объясняется тем, что начальное неравенство благоприятствует накоплению богатыми капитала, с помощью которого стимулируется дальнейший экономический подъем [145, 146, 147]. Утвердившаяся в настоящее время точка зрения, которая подтверждается эмпирическими данными, опровергает эту теорию: уменьшение неравенства может способствовать экономическому росту.

Почему неравенство доходов может навредить экономическому развитию?

1. Во-первых, неравенство оказывает негативное влияние на экономический рост, так как малообеспеченные люди лишаются возможности наращивать свой материальный и человеческий потенциал, что приводит к негативным последствиям для экономического роста в долгосрочной перспективе [148, 149]. Политика, направленная на совершенствование распределения доходов, может приносить двойную выгоду, одновременно способствуя снижению неравенства и экономическому росту.

2. Во-вторых, высокое неравенство ведет к социально-политическим беспорядкам и нестабильности, тем самым, уменьшая уровень инвестиций, что также тормозит экономическое развитие [150, 151].

3. В-третьих, неравное распределение доходов в обществе может оказать негативное "политэкономическое" влияние на экономическое развитие [152, 153, 154]. Например, в соответствии с "теорией среднего избирателя" в странах с высоким уровнем неравенства проявляется склонность к популистским мерам в области перераспределения доходов. Это, в свою очередь, приводит к повышению налоговой ставки. Масштабная экспроприация ослабляет стимулы к накоплению, капиталовложению и труду, может привести к обострению политической обстановки и серьезным конфликтам, что подрывает экономический рост.

Однако эта точка зрения сталкивается с серьезной эмпирической проблемой. Исследования для многих стран показали, что корреляция между неравенством и налоговой ставкой отрицательна. Как показал Р.Перотти (Perotti, 1996) [155], это можно объяснить тем, что во многих странах с высоким неравенством фискальная политика носит регрессивный характер. В связи с этим многие сторонники политэкономического взгляда на взаимосвязь между неравенством и ростом стали придерживаться второй точки зрения. Яркий пример - А.Алесина и Р.Перотти (Alesina & Perotti, 1996) [150].

Неравенство и экономический рост в России и других странах с переходной экономикой

Рассмотрим более подробно страны с переходной экономикой.

Практически все они прошли через спад экономики в начале реформ. И при этом наблюдалась существенная связь между динамикой ВВП и динамикой неравенства (рис.4.3.1). Очевидно, что в странах, в которых произошло наименьшее падение ВВП, неравенство выросло в наименьшей степени.

Если внимательно проследить за динамикой неравенства и экономического роста, то можно сделать вывод о том, что если в начале переходного периода экономический спад сопровождался ростом неравенства доходов во всех странах, то на более поздней стадии реформирования универсальной связи между неравенством и тенденциями экономического роста не наблюдалось.

Так в странах Восточной Европы и странах Прибалтики после 1992-1994 гг. наблюдался рост ВВП. При этом если в странах Центральной и Восточной Европы продолжался рост неравенства, хотя и очень медленными темпами, несмотря на экономический рост, то в Эстонии и Литве восстановление экономики сопровождалось снижением неравенства.

Если мы сопоставим динамику коэффициента Джини в России с динамикой экономического роста, то заметим, что одновременно со спадом экономики происходил значительный рост неравенства. По данным Росстата, в период с 1990 г. по 1995 г. ВВП сократился почти на 40%. Неравенство увеличилось почти в 2 раза. В период экономического роста в 1999-2000 гг., когда ВВП вырос на 14%, произошла некоторая стабилизация неравенства на отметке 0,4 (согласно официальным данным).

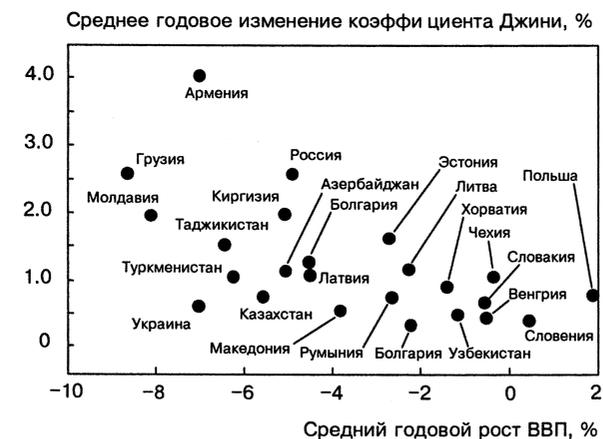

Рис. 4.3.1. Динамика неравенства доходов и экономического роста в странах с переходной экономикой, 1989-1998

Все вышесказанное позволяет предположить, что в условиях переходного периода существуют какие-то другие факторы, оказывающие влияние одновременно и на изменения ВВП, и на динамику неравенства.

Например, таким фактором может быть успешность проводимых рыночных реформ. В качестве меры, позволяющей оценить успешность той или иной страны в осуществлении рыночных реформ, были использованы 2 индекса реформы, предложенные Европейским Банком Реконструкции и Развития.

Таблица 4.3.1.

**Рост ВВП, неравенство доходов, реформы
в некоторых странах с переходной экономикой**

	Рост реального ВВП (%) 1989-2000 ^а	Средний годовой рост реального ВВП (%) ^б	Коэффициент Джини ^с			Денежные трансферты (в % к ВВП) ^д	Реформы (индекс) ^е	
			1987-1989	1994-1995	1997-1999		Либерализация	Стабилизация
Польша	28,0	2,45	0,28	0,32	0,33	17,7	5	5
Словения	14,5	1,36	0,21	0,26	0,25	14,8	5	5
Чехия	-2,6	-0,14	0,20	0,23	0,23	12,1	5	5
Венгрия	5,3	0,60	0,22	0,24	0,25	16,5	5	5
Румыния	-23,2	-2,19	0,24	0,31	0,30	8,9	3	5
Болгария	-30,4	-3,05	0,23	0,38	0,33	11,8	3	5
Литва	-36,4	-3,60	0,26	0,33	0,34	9,6	3	5
Россия	-39,2	-4,24	0,27	0,41	0,40	7,5	3	3
Латвия	-37,8	-3,36	0,26	0,31	0,33	11,8	3	5
Украина	-62,4	-8,22	0,23	0,47	0,32	9,4	1	3

Источники:

a,b - вычисления автора на основе данных Trans MONEE Project, CEE/CIS/Baltics / UNICEF, Florence, Italy, 2001.

c - Trans MONEE Project, CEE/CIS/Baltics / UNICEF, Florence, Italy, 2001.

d - Milanovic B. Income, Inequality and Poverty during transition from planed to market economy / World Bank Regional and Sectoral Studies, 1998.

e - EBRD, Transition Report 1999 (London)

В зависимости от степени либерализации страны разделены на три группы. Странам, в которых осуществлена ранняя либерализация, дана оценка 5. Они определены как страны, которые достигли "либерализации цен, конвертируемости по текущим операциям и практически полной приватизации малых предприятий". Странам, которые

достигли этих порогов после 1993 г., дана оценка 3. Остальным странам присвоена оценка 1. Что касается стабилизации, страны представлены, как те, в которых наступила ранняя стабилизация (до конца 1993 г.), и остальные страны. Им даны оценки 5 и 3, соответственно.

Из табл. 4.3.1 видно, что наибольших успехов в осуществлении рыночных реформ добились Польша, Словения, Венгрия и Чехия. Заметим, что в этих же странах неравенство увеличилось совсем незначительно по сравнению с началом реформ, а объемы ВВП в 2000 г. достигли уровня допереходного периода и даже превзошли его. В этих же странах правительство прилагало значительные усилия по перераспределению национального дохода с целью смягчения возрастающего неравенства в оплате труда: денежные трансферты составляли от 12% ВВП в Чехии до 18% ВВП в Польше.

Россия и Украина представляют наименее успешные страны с переходной экономикой. Непоследовательность экономических реформ привела к существенному спаду экономики, значительному росту неравенства доходов населения. При этом политика государственных трансфертов носила регрессивный характер.